

УДК 304.5

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА И ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

д. филос. н., профессор
ФГАОУ «УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина»,
профессор
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»
г. Екатеринбург

Аннотация: В трудах Г.В. Плеханова каждый ищет и находит то, что созвучно его собственным мыслям и представлениям эпохи. Поскольку много научных трудов посвящено анализу творчества Г.В. Плеханова, но общей картины они не дают, то обращение к его слабо освещенной частной жизни позволяет понять, почему одни ненавидели, а другие любили Г.В. Плеханова за одни и те же его идеи и поступки. Обстоятельства его частной жизни отвечают на вопрос, почему Плеханов в статьях призывал поддерживать временное правительство, не рассматривать буржуазию как отживший класс, и В.И. Ленин внял некоторым рекомендациям в период строительства социализма. Российские исследователи обращают внимание на перспективность не марксизма в целом, но марксистской концепции Г.В. Плеханова в трактовке экзистенциальных характеристик социального субъекта в материалистическом понимании истории.

Ключевые слова: мысли, представления эпохи, творчество Г.В. Плеханова, частная жизнь, временное правительство, буржуазия, класс, социализм, российские исследователи, марксизм, экзистенциальные характеристики, социальный субъект, материалистическое понимание истории.

THE IDEOLOGICAL LEGACY OF G.V. PLEKHANOV AND OPEN QUESTIONS OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

Summary. In the works of G.V. Plekhanov, everyone is looking for and finds something that is consonant with his own thoughts and ideas of the era. Since many scientific works are devoted to the analysis of G.V. Plekhanov's work, but they do not give a general picture, the appeal to his poorly lit private life makes it possible to understand why some hated and others loved G.V. Plekhanov for the same ideas and actions. The circumstances of his private life answer the question of why Plekhanov in his articles called for support for the provisional government, not to consider the bourgeoisie as an obsolete class, and V.I. Lenin heeded some recommendations during the period of building socialism. Russian researchers draw attention to the prospects not of Marxism as a whole, but of G.V. Plekhanov's Marxist concept in interpreting the existential characteristics of a social subject in the materialist understanding of history.

Keywords: thoughts, ideas of the epoch, creativity of G.V. Plekhanov, private life, provisional government, bourgeoisie, class, socialism, Russian researchers, Marxism, existential characteristics, social subject, materialistic understanding of history.

Когда на протяжении сознательной преподавательской и научной жизни знакомишься с 24 томами работ Г.В. Плеханова советского издания 20 гг., купленными в советское время в столичном букинистическом магазине, создается впечатление, что Плехановых много, но Ленин всегда один, да и Ста-

лин один. Энгельс инвариантен, а Плехановых много. Как много у него было братьев и сестер – родных и сводных 12. И с братом Григорием – полицейским исправником они были от разных матерей. Георгий от Белинской Марии Федоровны, родственницы нашего литературного критика. В Г.В. Плеханове каждый видит свое – как в марсианине Брэдбери. Г. П. Журавлева в статье 2016 г. «Жизненный путь Г.В. Плеханова и его вклад в теорию научного социализма» к 160 летнему юбилею марксиста пишет: «Каждый, кто знакомится с произведениями Плеханова, ищет и находит в них то, что наиболее созвучно его собственным мыслям и представлениям. Одних привлекают стремления Г. В. Плеханова в 1917 г. к общенациональному консенсусу, как наиболее эффективному средству выхода России из состояния кризиса. Другие акцентируют внимание на плехановском подходе к истории как к естественному историческому процессу, не терпящем искусственного ускорения этого процесса, и его отрицании всякого социального экспериментаторства над целыми странами и народами. Некоторым Плеханов дорог, прежде всего, как искренний патриот России, который, несмотря на вынужденную 37-летнюю эмиграцию, остался до конца предан своей стране и в судьбоносном 1917 г. поспешил вернуться на Родину. Многие ценят в нем убежденного демократа и врага всяческого деспотизма. Следует еще раз подчеркнуть, что Г. В. Плеханов был одним из выдающихся мировых мыслителей, выдающимся ученым, ярким публицистом. Многие идеи Г. В. Плеханова не потеряли своей актуальности и сегодня» [1, с. 30].

Автор поворачивает понимание марксиста в сферу изучения его частной жизни: «Много научных трудов посвящено анализу творчества Г. В. Плеханова, но его частная жизнь освящена слабо. А это имеет немаловажное значение для понимания того, почему одни ненавидели, а другие любили Плеханова за одни и те же его идеи, высказывания, работы и поступки» [1, с. 30-31]. Это то личное и неповторимое, что увидел в своей мемуарной прозе идейный путаник и полемист Н. Валентинов в Плеханове и Ленине. А профессор-экономист через личную позицию увидела судьбу идей Плеханова, в заключении статьи она пишет: «Вот почему Плеханов в статьях призывал поддерживать временное правительство, «не проектировать буржуазию как совершенно отживший общественный класс, способный вредить делу прогресса». Позднее в 20-е годы XX в. В. И. Ленин внял этим рекомендациям Плеханова и приглашал «буржуазные элементы» к службе в Красной Армии, созданию плана ГОЭЛРО и т. д.» [1, с. 34]. Из всего наследия Плеханова она делает один большой вопрос или то, что Ф. Энгельс называл «открытый вопрос» - «offene frage».

Г.П. Журавлева пишет, что все неясно и эта неясность наших дней позволяет понять мечущегося Плеханова и с помощью этих исканий понять нас самих. Так мы понимаем саму профессора Г.П. Журавлеву, поскольку нам не приходилось прежде видеть в заключении статей столько вопросов и столько неуверенности, что говорит об объективных гносеологических сложностях социального познания и о том, что пишет опытейший заслуженный профессор в отличие от всезнающего аспиранта: «Анализируя труды Г. В. Плеханова, начинаешь понимать, насколько они актуальны для решения современных проблем. Сколько мудрости, например, только в следующем предупреждении Плеханова, что социалистическая революция временна в аграрной стране, и что необходимо подготовить к ней, образовать, создать другой уровень развития производительных сил, для чего нужно пройти путь капиталистического развития. Возникает вопрос: перестройка – это объективно необходимый путь капиталистического развития России, от которого мы (ошибочно или преждевременно?) отказались в начале прошлого века и возвращаемся к нему спустя 70 лет? Как охарактеризовать «перестройку» – это реформирование социализма, переворот [смена власти при сохранении экономической системы], революция [крутой скачок в общественном развитии]? Это смена одного способа производства на другой – капитализма на социализм в 1917 г. или контрреволюция [смена социализма на капитализм]? Вопрос дискутируется.

Конечно, современная Россия – не аграрная страна, но ее сырьевая направленность не позволяет поднять производительные силы до уровня, необходимого для чего? Нет, не для социализма, об этом сейчас уже не говорят, может быть, напрасно? Ведь то, что построено в СССР – это не социализм, а, по Плеханову, «политическое уродство». Необходимо для будущего, которому еще не дано общепринятое определение, пока лишь говорят о новой модели социально-экономического развития. О необходимости реформирования модели капитализма и не только в России, но и за рубежом. Вопросов много. Их нужно решить современникам. Но и Г. В. Плеханова забывать нельзя» [1, с. 34].

Но можно пойти более простым путем и не громоздить вопросы на вопросы – найти ядро концепции, или как говорил Ленин, найти и вытащить «главное звено», в чем и заключено требование диалектики к познанию. Профессор А.Ф. Зверев в статье «Г.В. Плеханов как социолог» более определенно выделяет ядро концепции Плеханова: «Ядро его социологической концепции составляют: во-первых, классовая модель общества, в КОТОРОЙ выделяются экономическая доминанта (базис)...» [2]. Он пишет: «Марксистский взгляд на структуру общества и общественное развитие Плеханов выразил в так называемой «пяточленке» - пяти положениях, располагая их в порядке приоритета и определяющего влияния: - состояние производительных сил; - общественные или экономические отношения; - социально-политический строй, выросший на данной экономической основе; - определяемая частью непосредственно экономикой, частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; - различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики» [2].

Фактически, автор подробно отвечает на обвинения Г.В. Плеханова в игнорировании роли надстройки: «Плеханов показал относительную самостоятельность в развитии надстройки и общественного сознания. При разделении физического и умственного труда духовная жизнь, включая идеологию, как бы обособляется в относительно самостоятельную область общественной жизни с присущими ей внутренними тенденциями собственного развития. Относительная самостоятельность идеологии проявляет себя также в преобладании содержащихся в ней идей. Едва ли вызывает сомнение тот факт, что идеология любого класса активно относится к идейному наследству предыдущей эпохи, используя достижения предшествующих поколений. Идеологи каждого данного времени находятся в тесной связи с идеологами предшествующего периода. Вопрос о роли идеологической и политической надстройки, соотношении с базисом принимает вид дилеммы о связи необходимости и свободы в истории. Иначе говоря, если развитие обычаев, морали и конституционного устройства общества определяется развитием производительных сил, то как мы должны объяснить активную роль человеческого фактора в историческом развитии? Плеханов отвечает на этот вопрос, разграничивая направление и темп исторического развития, содержание и форму правовых, политических, идеологических надстроек.

Другое замечание касается вопроса о влиянии географической среды. Плеханов выясняет и влияние природы на развитие общества. Естественная среда (географическое положение, климат) - важнейшая предпосылка становления и движения человеческой истории. Так, в одной из рецензий на книгу русского социолога Льва Мечникова «Цивилизация и великие реки», в основу которой положены идеи географического детерминизма, Плеханов назвал важным приобретением науки. Вместе с тем, как марксист он настаивает, что взаимное влияние производительных сил и производственных отношений является главной причиной социального развития, имеет свою логику...» [2].

И еще дополним общую картину понимания ядра социологии Плеханова важным замечанием А.Ф. Зверева: «...зависимость человека от географической среды - величина переменная и изменяется с каждым новым шагом исторического развития. И далее, географическая среда способствует или препятствует развитию производительных сил. В книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов пишет о народонаселении как неотъемлемом элементе общественного развития, рост которого, однако, не является коренной причиной общественного прогресса. Он приводит положение Маркса, что абсолютные законы размножения существуют только у животных и растений, тогда как рост (или убыль) населения в человеческом обществе определяется экономической структурой» [2].

Мы не можем удержаться от того, чтобы не привести яркие примеры из трудов Плеханова. Эти примеры известны нам полвека со студенческих времен, и мы их приведем здесь. Речь идет о работе «К вопросу о роли личности в истории», оно впервые было опубликовано в журнале «Научное обозрение» № 3 и 4 за 1898 г. Автор обращается к критике историков, которые вышли на авансцену после просветителей-материалистов: «В восемнадцатом люди, занимавшиеся философией истории, все сводили к сознательной деятельности личностей. Были, правда, и тогда исключения из общего правила: так, философско-историческое поле зрения Вико, Монтескье и Гердера было гораздо шире. Но мы не говорим об исключениях; огромное же большинство мыслителей восемнадцатого века смотрело на историю именно так, как мы сказали. В этом отношении очень любопытно перечитывать в настоящее

время исторические сочинения, например, Мабли. У Мабли выходит, что Минос целиком создал социально-политическую жизнь и нравы критян, а Ликург оказал подобную же услугу Спарте» [3, с. 315]. Тут же замечается, что и эти исследования были не научны!

Обоснование автора такое: «Исследования, написанные с точки зрения такого взгляда, имели очень мало общего с наукой и писались как проповеди, только ради будто бы вытекающих из них нравственных «уроков». Против таких-то взглядов и восстали французские историки времён реставрации. После потрясающих событий конца XVIII века уже решительно невозможно было думать, что история есть дело более или менее выдающихся и более или менее благородных и просвещённых личностей, по своему произволу внушающих непросвещённой, но послушной массе те или другие чувства и понятия. К тому же такая философия истории возмущала плебейскую гордость теоретиков буржуазии. Тут сказались те самые чувства, которые ещё в XVIII веке обнаружались при возникновении буржуазной драмы» [3, с. 315].

В завершении своего выдающегося произведения Г.В. Плеханов обращает внимание на объективные иллюзии при понимании истории: «Рассуждая о роли великих личностей в истории, мы почти всегда делаемся жертвой некоторого оптического обмана, на который полезно будет указать читателям. Выступив в роли «хорошей шпаги», спасающей общественный порядок, Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из которых иные может быть сыграли бы её так же или почти так же, как и он. Раз общественная потребность в энергическом военном правителе была удовлетворена, общественная организация загородила всем другим военным талантам дорогу к месту военного правителя. Её сила стала силой, неблагоприятной для проявления других талантов этого рода. Благодаря этому и происходит тот оптический обман, о котором мы говорим. *Личная* сила Наполеона является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на её счёт всю *ту общественную силу*, которая выдвинула и поддерживала её. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей, силы не перешли из *возможности* в *действительность*. И когда нам говорят: а что было бы, если бы не было Наполеона, то наше *воображение* путается и нам кажется, что без него совсем не могло бы совершиться всё то общественное движение, на котором основывались его сила и влияние» [3, с. 326-327].

И далее мы видим тот замечательный пример, ради которого, обращаясь к просвещению молодого поколения философов, его приводим: «Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрёл благодаря ему большое влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи: если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время. Тот же *Наполеон* умер бы мало известным генералом или полковником *Буонапарте*, если бы старый режим просуществовал во Франции лишних семьдесят пять лет. В 1789 г. Даву, Дезэ, Мармон и Макдональд были *подпоручиками*; Бернадотт — *сержант-майором*; Гош, Марсо, Лефевр, Пишегрю, Ней, Массэна, Мюрат, Сульт — *унтер-офицерами*; Ожэро — *учителем фехтования*; Ланн — *красильщиком*; Гувион Сен-Сир — *актёром*; Журдан — *разносчиком*; Бессьер — *парикмахером*; Брюн — *наборщиком*; Жубер и Жюно — *студентами юридического факультета*; Клебер — *архитектором*; Мортье не поступал на военную службу вплоть до революции.

Если бы старый режим продолжал существовать до наших дней, то никому из нас и в голову не пришло бы теперь, что в конце прошлого века во Франции некоторые актёры, наборщики, парикмахеры, красильщики, юристы, разносчики и учителя фехтования были военными талантами в *возможности*» [3, с. 327-328].

К этому фрагменту прилагается замечательно звучащая для русской души сноска: «Возможно, что тогда Наполеон уехал бы в Россию, куда он собирался ехать едва за несколько лет до революции. Здесь он отличился бы, вероятно, в битвах с турками или с кавказскими горцами, но никто не подумал бы здесь, что этот бедный, но способный офицер при благоприятных обстоятельствах мог бы сделаться господином мира» [3, с. 328].

Наконец, приведем вывод из работы, который нам представляется выводом в свете современно-

го идеологического хаоса и потока идеалистической философии и мистицизма: «Давно уже было замечено, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, *проявившийся в действительности*, т. е. всякий талант, ставший *общественной силой*, есть *плод общественных отношений*. Но если это так, то понятно, почему талантливые люди могут, как мы сказали, изменить лишь индивидуальную физиономию, а не общее направление событий; *они сами существуют только благодаря такому направлению; если бы не оно, то они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности*» [3, с. 329].

Тем не менее, в другой своей статье «Субъектные трансформации принципа монизма в объяснении социального (в анализе социальной концепции Г. В. Плеханова)» российские исследователи В.А. Жилина, Д.В. Гранин обращают внимание на перспективность не марксизма в целом, но марксистской концепции Г.В. Плеханова (что не одно и то же): «С точки зрения академического философского подхода марксизм Плеханова представляет интерес в обнаружении в трактовке социального субъекта экзистенциальных характеристик, что, в целом, не характерно для этой школы. При этом общая особенность российской культуры, когда внешние причины рассматриваются как деструктивный фактор в отношении целостности общества, детерминирует сохранение самого человека и в структуре производительных сил. Стержнем, на который могут быть нанизаны все социальные «ипостаси» субъекта, определяется такая грань социального субъекта как человек производящий. Это в теории выводит на проблематику коллективного субъекта» [4, с. 123]. Не то ли увидели авторы, о чем писал Плеханов при выявлении роли талантов историей и указывая на траектории личной судьбы тех или иных деятелей.

Смысл этого интереса авторов таков: «Коллективный субъект — это не суммирование индивидуальных социальных единиц. Отдельные люди объединены целью преобразовать общество, но при этом сохраняют собственную индивидуальность» [4, с. 123]. Эти слова подтверждает приведенный выше пример о исторической трансформации людей в маршалов Наполеона.

Люди меняются и как сказано в фильме «Брат»: «Да что ж такое?! Были же люди как люди и вдруг все сразу стали кретины!» Это сказано про бывший советский народ. Но и прежде, как писал В.В. Котилко в статье «Г. В. Плеханов: трагическая судьба русского марксиста (К 150-летию со дня рождения)»: «Лидер петроградских коммунистов Г. Зиновьев демонстративно отказался участвовать в похоронах!» [5, с. 54].

Список источников

1. Журавлева Г.П. Жизненный путь Г.В. Плеханова и его вклад в теорию научного социализма // Социально-экономические явления и процессы. т. 12, № 1, 2017. с. 30-35.
2. Зверев А.Ф. Г.В. Плеханов как социолог // Аналитика культурологии. 2012. № 23.
3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М.: ГИПЛ, 1956. т. II. – 824 с.
4. Жилина В.А., Гранин Д.В. Субъектные трансформации принципа монизма в объяснении социального (в анализе социальной концепции Г.В. Плеханова) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448). Философские науки. Вып. 59. с. 121-126.
5. Котилко В.В. Г.В. Плеханов: трагическая судьба русского марксиста (К 150-летию со дня рождения) // Региональная экономика: теория и практика. 1 (40) – 2007. с. 54-57.